

# Из ниоткуда в никуда

**Автор:**

Виктор Ермолин

Из ниоткуда в никуда

Виктор Ермолин

«Из ниоткуда в никуда» – роман-аллегория о темном подполье человеческой души. Пытаясь побороть страх смерти, герои превращают свою жизнь в театр. Любовь, творчество, осознанные сновидения и многие другие практики станут их средством ухода от реальности... В оформлении обложки использовано изображение фрагмента картины "Жемчужина". Автор Врубель М.

У каждого сновидца свой собственный мир,

У всех же бодрствующих – один общий.

(Аристотель)

## I. Архетип нашего времени

В прокуренных венах опьяневшего города Екатеринбурга есть одно крайне странное место. Говорят, там находят приют только люди, потерявшие всякое ощущение счастья от жизни. Причем найти это место не составит труда – достаточно просто пройти по улице Мамина-Сибиряка, и, перейдя перекресток с улицей Первомайской, завернуть в первую подворотню. Там, среди пестрых рекламных щитов и типичных серых построек каждый зрячий без труда заметит черно-белое пятно – баннер первого и единственного городского джаз клуба.

Не удивляйтесь – здесь не принято встречать гостей. Любому переступившему порог всегда предоставляется право выбора – либо вернуться назад, либо спуститься вниз по подвальной лестнице, практически на самое дно центра города. Пройдя лишенные какой бы то ни было отделки бетонные стены, вы выйдете в темный зал, где вам улыбнется и предложит купить билет человек, царственно восседающий на одиноком стуле. И вот уже когда вам отсчитают сдачу и протянут ее вместе с глянцевым клочком бумаги, вы поймете, что вокруг сидят лишь обыкновенные люди: нищие студенты, влюбленные парочки, друзья местных музыкантов.

Милая девушка-официант проводит вас до маленького столика прямоугольной формы. Тоже улыбнется и предложит меню в виде обрезанной грампластинки. Непомерно завышенные цены за угощения скорее всего удивят, отчего придется заказать самый дешевый в рамках заведения френч-пресс черного чая. Немного погодя свет в зале приглушат, и на узкую сцену выйдет местное трио, чтобы удивить разношерстную публику отменным джем-сейшн. Гармоничные звуки трубы, клавиш и струн несомненно вас поразят, но уже через пять-десять минут после завершения выступления вы признаетесь себе, что ничего толком не понимаете в этой музыке.

Евгения была самой что ни на есть здоровой в психическом и физическом плане девушкой. Решение пойти в джаз клуб в одиночестве было вызвано скорее любопытством, чем потребностью. Особой любви к джазу она не испытывала, да и в принципе музыка редко вызывала у нее сильные чувства. На вопрос, какая музыка нравится больше – она отвечала, как большинство – разная. Грубо говоря, ей было все равно на жанры и группы. Если понравилась песня – запомнит ее и добавит в плей-лист; если не очень – то пропустит ее мимо своего внимания.

Ее выбор пал на понедельник неспроста. Во-первых, это был день выступления резидентов клуба, что лучше всего подходило для новичков и непросвещенной публики; во-вторых, цена за билеты была самой низкой – всего сто рублей.

– Один билет за столиком, пожалуйста, – сказала Женя, протягивая билетеру пожелтевшие-посеревшую купюру.

– Номер вашей брони? – незамедлительно спросил хозяин одинокого стула.

– Простите?

– Вы оставляли заявку по телефону или на нашем портале?

– Нет. Меня, в принципе, устроит любое место.

Билетер надменно посмотрел на девушку с высоты его обычного стула. Нелепый, с густым топорщащимся пухом на щеках, он чувствовал небывалое превосходство над неосведомленной гостьей.

– Любое место сегодня? В понедельник?

– Ну, да. Что в этом такого?

– Сегодня же джем-сейшн! Все столики уже давно зарезервированы.

– Вы шутите? Какой нормальный человек в понедельник вечером пойдет в паб слушать музыку? – возмущенно произнесла девушка свои мысли вслух.

– Вы же почему-то пришли?

Женя резко осеклась.

– Я не против послушать стоя.

– У нас так не принято. Могу только предложить подождать. Если кто-нибудь из ожидаемых гостей не появится за пять минут до начала – займете его место.

Женя растерянно посмотрела по сторонам в поисках поддержки. Незнакомый молодой человек, купивший перед Женей последний билет за столиком встретился с девушкой взглядом. От вида полных печали глаз он был вынужден вмешаться:

– Если вы не против моей компании, то могу предложить свой столик.

– Не утруждайте себя так, – вразрез со своими настоящими мыслями произнесла Женя. Она опустила глаза в пол, чтобы сделать вид, что ей совсем неловко.

– Вы мне не мешаете, – невозмутимо продолжал уговаривать незнакомец.

– Если только вы настаиваете, – ответила Женя и перевела хитрый взгляд на билетера.

Подойдя ближе, молодой человек учтиво помог Жене снять пальто, и отнес его в гардероб. От этой любезности девушке стало по-настоящему неловко. Она долго сопротивлялась, но все же дала волю фантазии. Встреча с симпатичным незнакомцем, спасителем, любителем джаза вполне могла закончиться необычным романом, прямо как со страниц сентиментальной остросюжетной прозы.

Женя заинтересованно посмотрела на лицо молодого человека. Острые, точно бы вытесанные топором, скулы придавали его внешности немного грубой мужественности. Едва заметные завитки русых волос пробивались сквозь приличный слой лака, воска или какого бы-то ни было еще вида средства для укладки. Редкая зеленая радужка принимала ядовитый оттенок от палящих с потолка прожекторов. Неестественным выглядел только разрез глаз – девушке он показался каким-то змеиными.

Следуя за молодым человеком к столику, Женя увлеклась своими мыслями еще сильнее. Посмотрев по сторонам, она обратила внимание, что зал наполовину пуст. Ей стало казаться, что вся эта история с бронями могла быть спланирована еще задолго до ее прихода. Нельзя было исключать, что вежливый незнакомец и приторно улыбающийся кассир в сговоре. А что, вполне рабочая схема: один отстегивает пару внушительных купюр, другой разыгрывает ситуацию со столиками. Затем девушку разводят, и, кто знает, чем все это закончится?..

Однако оснований так думать оказалось ничтожно мало. Стоило им только сесть, как Женя тут же почувствовала совершенную незаинтересованность соседа в ней, как в молодой и привлекательной девушке. Незнакомец дождался свой необоснованно дорогой стакан рома «Бакарди», и, уткнувшись взором в сцену, стал тщательно разглядывать ожидающие своих хозяев инструменты.

От такого непредвиденного поворота событий Женя сильно расстроилась. Но, поймав себя на мысли, что изначально не ставила никакой цели познакомиться или завести случайный роман, она тут же одумалась, и стала спокойно ждать свой маленький чайник пуэра и предстоящее выступление.

Вскоре на сцену вышло горячо встреченное овациями трио. Самым старшим в творческом коллективе выглядел ударник. Его аккуратно уложенные волосы уже покрывала серо-черная седина. В ожидании коллег он стоял величественно и статно. Оголенные закатанными рукавами рубашки руки издали напоминали детально проработанную карту цветного атласа, реки которого были заменены вздутыми бурлящими каналами кровеносных течений. Трубач в контраст был в меру упитан. Он держал свои длинные волосы в хвосте и производил впечатление неугомонного весельчака. Улыбка, превращающая глаза в узкие щели, ни на мгновение не сходила с его испещренного лучами мимических морщин лица. Клавишник же выглядел на фоне своих товарищей самым невзрачным. Долговязый, небритый, серый – он точно бы подчеркивал всем видом свою простоту. Будь его воля, подошел бы к микрофону и объявил бы всему залу, что он обыкновенный человек и не нужно обращать на него внимание.

Наконец слепящий свет прожекторов погас, и зал окутала ритмичная афроамериканская музыка. Женю с первых нот поразило, как по четко выверенной математической формуле пальцы трех пар рук создают невероятно гармоничное по звучанию духово-ударно-клавишное произведение. Казалось, что джазмены играют так, словно живут сегодня в последний раз. За пределами сцены стояла гробовая тишина. Никто не мог и посметь брякнуть чашкой или стаканом.

Любопытства ради Женя перевела взгляд на симпатичного соседа. Тот с закрытыми глазами бесшумно и максимально точно отбивал ритм тонкими пальцами по глянцевой поверхности стола. В унисон рукам он кивал головой, и было видно, какое неземное наслаждение он испытывает от музыки. Подобное наблюдать, да и самой испытывать, девушке еще не приходилось.

Спустя шесть композиций джаз-бенд удалился на получасовой антракт. Впервые за долгое время Жене посчастливилось вновь глотнуть уже остывшей земляной заварки.

– Краем глаза видела, как вы наслаждаетесь выступлением, – дождавшись ухода музыкантов, призналась Женя незнакомцу, – даже как-то завидно, что человек способен так погружаться в музыку.

– Вы наблюдали за мной? – удивленно переспросил молодой человек.

– Не поймите меня неправильно. Я просто пару раз взглянула на вас. Ну, в смысле... Я не странная...

Женя осеклась. На протяжении двадцати двух лет своей жизни она часто совершала необдуманные поступки, за которые потом ей становилось стыдно. Все эти глупые и нелепые фразы и действия она достаточно часто прокручивала в своей голове, ворочаясь на подушке, не в силах уснуть.

– И мысли не было называть вас странной, – сказал и нежно улыбнулся незнакомец, увидев терзания милой девушки. – Иногда я так увлекаюсь музыкой, что перестаю за собой замечать, что делаю.

– Простите меня.

– Страсть как люблю Чета Бейкера, – обходя неловкости ситуации, продолжал незнакомец. – Особенно в исполнении этого трио.

– Это заметно, – начав расслабляться, ответила Женя.

– А кого любите вы?

– Из джазовых исполнителей? Еще пока никого. Я сегодня впервые слушаю джаз.

– Решили открыть новый мир музыки?

– Я не уверена, что ради музыки сюда пришла, – призналась Женя. Незнакомец от этих слов свел брови в удивлении.

– Так зачем же вы пришли?

– На людей посмотреть.

Лицо незнакомца исказилось еще сильнее – он столкнулся с чем-то действительно необъяснимым, странным.

– Почему именно здесь? За людьми наблюдать можно и на улице. Их там больше, и за просмотр платить не надо.

– У каждого свои причуды.

Женя продолжала держаться достойно. В глазах незнакомца стал разгораться интерес к соседке. Он посмотрел на девушку, как на диковинный экспонат музея современного искусства, и наконец спросил:

– Как вас зовут?

– Почему вы спрашиваете именно сейчас?

– Получилось как-то неправильно, что мы не представились раньше.

– Евгения.

– Феликс.

– Достаточно редкое имя, – подметила девушка. – Любопытно узнать, как звучит полностью?

– Феликс Константинович Флейман.

– Красивое сочетание.

– И все-таки, Евгения, зачем вы смотрите на людей?

– Вы давно живете в Екатеринбурге?

– Сколько себя помню.

– Вы когда-нибудь замечали, насколько здесь замкнутые и необщительные люди?

– Мне не с чем сравнивать.

– А я приехала сюда учиться из маленького нефтедобывающего городка, пройти который вдоль и поперек можно за пару часов спокойным шагом. Представляете масштабы? Население – всего шестьдесят тысяч. Все друг друга знают. В магазин идешь – каждый встречный улыбается, здоровается.

– Это что за город такой?

– Когалым. Примерно тысяча триста километров отсюда. Не поверите – там улицы настолько чистые, что можно лежать на асфальте – не замараешься. Мусор каждый день убирают. Машин почти нет. Они там и не нужны – до магазина проще пешком дойти. Еще – зимой снег белоснежный, чистый. Некоторые его даже растапливают, чтобы пить. И самое удивительное – там нет ни одного алкоголика. Их всех выселяют, как тунеядцев. А квартиры с аукционов продают.

– И вы променяли такое идеальное место на Екатеринбург?

– Жить там невыносимо скучно. Выходишь вечером на улицу и слоняешься без дела пару часов среди однотипных домов и деревьев. Изо дня в день все те же улицы, лица. Есть правда кинотеатр и торговый комплекс, но они довольно быстро приедаются.

– Когда сюда переехали, стало интересней?

– Екатеринбург оказался еще хуже. Здесь есть все: рестораны, ночные клубы, парки. В каждом районе по два-три торгово-развлекательных центра. Людей миллион. А элементарного человеческого общения – нет. Все куда-то спешат. Как ни вечер, так у всех неотложные дела, личные заботы. Оттого и приходится бродить везде в одиночестве, смотреть на случайных прохожих в надежде заметить себе подобных.

– Может еще слишком мало времени прошло и вы просто не успели ни с кем познакомиться?

– Я живу здесь уже пять лет.

– Одна?

Услышав последний вопрос, Женя напряглась. Вот-вот забытая фантазия о незнакомце, пытающемся развести девушку на одну ночь заиграла в ее голове с новой силой. Но теперь она уже сама хотела острых ощущений, потому решила рискнуть и говорить правду.

– Да, снимаю квартиру в центре.

– В центре?

– У Южного автовокзала. На 8 Марта.

– Похоже у вас хорошая работа, если можете себе ее позволить, – загадочно улыбнувшись, подметил Флейман.

– Мне помогают родители. Они работают в нефтяной компании. Им деньги все равно не на что в Когалыме тратить, поэтому в меня вкладывают.

– Потом пойдете по их стопам?

– Не думаю, что буду полезна в их сфере. Я учусь на философском в УрГУ.

– Бакалавр философии?

– Уже почти магистр. Вас это удивляет?

– Почему же? Дело ваше, где учиться.

– Не спорю, есть и более практичные варианты, но к ним как-то душа не лежала. Я прекрасно понимаю, что от строителя или инженера больше пользы. Те хотя

бы дома возводят, телефоны новые придумывают. А мы все о себе говорим. Ну, а так, кто знает – может мои знания больше пользы принесут человечеству, чем новенькая плазма?

– Я сам гуманитарий, поэтому прекрасно вас понимаю. Хотелось внутреннего развития и все такое?

– Так вы тоже студент?

– Переводчик с Физтеха.

– Физтеха?

– Да, с Физтеха в УПИ.

– Разве так бывает?

– Директор института не хочет платить деньги преподавателям английского из ФЭУ, поэтому содержит свою кафедру.

– Технических переводчиков?

– Обыкновенных, но со знанием металлургии и теории вероятности.

– Это любопытно. Удивите меня?

– Чем?

– Например, интересным фактом о металлургии?

– Необычная просьба.

– Не можете?

– Уличные люки делают из чугуна.

– А из английского языка можете?

– Дайте немного подумать.

Переводчик нахмурил брови, уставившись в глянцевую поверхность стола. Понаблюдав за соседом пару секунд, Женя перевела взгляд на черные полотна с иконами джаза на стенах, но, не узнав никого, вернула свое внимание обратно на собеседника.

– Неужели таких нет?

Флейман уязвлено выдохнул из ноздрей и спросил:

– Вам известно, что английское слово dream имеет два значения – «сон» и «мечта»?

– Да бросьте, это же банально.

– Дослушайте, прежде чем делать выводы.

– Просите. Продолжайте.

– Буквально недавно я заметил, что во многих языках, кроме русского, «сон» и «мечта» обозначаются одним словом. В английском, как я уже сказал – это dream, на иврите – halom, японском – yume.

– Заимствования?

– Если бы. Здесь разная география, непохожие корни, неродные языковые группы.

– Что это, в таком случае?

– Необычный факт мировосприятия человека. Вы только задумайтесь – это же удивительно, как людям пришло в голову придумать те или иные обозначения предметов и явлений. С одной стороны, в именах проглядывается простая

человеческая логика, с другой – нечто необъяснимо-божественное. Обывателю может показаться, что понятия «мечты» и «сна» не объединяет ничего общего. Но что-то же побудило разные народы планеты обобщить эти явления? Сны видят все люди без исключения. Только не все их осознают. Мечтать тоже присуще всем людям. Однако и это не все осознают. Абстрактность? Сколько не слушай, какие бывают у людей сны и мечты, каждый раз удивляешься, как все у всех одинаково, но в то же время непохоже. Возможно, что вся суть лишь в нереальном месте и времени, в котором они существуют.

Женя вновь погрузилась в свои мысли. Ей было все равно на эти пространные размышления и софистику, но теперь она абсолютно точно чувствовала уверенность, что у Феликса нет на нее никаких планов. Он случайный сосед, хороший слушатель, но не более того.

– Не совсем английский, но действительно интересный факт. Или предположение, – заключила она.

– Рад, что смог вам угодить, – произнес Феликс и, переведя взгляд на сцену, добавил: – Поразмышляйте как-нибудь на досуге, почему для разных предшествующих народов «сон» и «мечта» схожие по своей сути понятия.

– Считаете, оно того стоит?

– Размышлять – лучший способ развивать воображение.

– Внутри вас похоже тоже живет философ?

– Поверьте, от этого вам точно хуже не будет.

Колоритное трио вновь вернулось на сцену, настроило инструменты и продолжило играть мелодичный джаз. Женин сосед моментально погрузился в прежнее преднирванное состояние, однако ей самой уже было скучно от этой однообразной музыки. Все ее существо требовало продолжение общения: ей нравилось рассказывать о себе, описывать в красках свое прошлое, а иногда даже слушать необычные истории других. Но Феликса Флеймана интересовали больше дела собственной души, а не привлекательная собеседница.

Тяжело вздохнув, Женя перевела взгляд на пару за соседним столиком. Несколько минут назад официантка принесла им два шкварчащих, сочащихся мясным соусом, переполненных овощами, говядиной и красным луком бургера на толстых досочках. Лысый бородатый хипстер, одетый в белую рубашку и узкие джинсы на красных подтяжках, изысканно отрезал от блюда маленькие кусочки и медленно, чуть трясущейся в руках вилкой, отправлял их в рот. Девушка же с булкой не церемонилась: держала ее двумя руками и жадно откусывала, мазав выкрашенные тоналкой щеки маслянистой начинкой.

Слева от любителей фастфуда был организован торжественный банкет. Дюжина сытых теток в вычурных блестящих платьях весело праздновала юбилей такой же, как они, толстушки. До антракта они вели себя тихо – молча и неподвижно, словно пришли на классику в филармонию. Теперь же они пили вино и хохотали. Несколько самых незакомплексованных из них, перебрав лишнего, подтянулись к сцене и стали по-цыгански трясти в танце грудью в сторону музыкантов.

Появились какие-то дети. Страшненькая кудрявая девочка в милом платье принцессы, встала по центру зала и начала, как клушка, топтаться на месте. Бойкий мальчишка лет семи, повторяя за сверстницей, поскользнулся и упал плашмя, но тут же вскочил и уже намеренно бросился на пол, словно изначально все так и задумывал.

Тем временем бургерные влюбленные уже закончили поедать свои кулинарные шедевры. Придвинувшись ближе к своему кавалеру, девушка вытянула трубочкой губы, чтобы сойтись с ним в луковом поцелуе. Женя всегда называла этот процесс «обменом свежестью».

Наблюдать за людьми было ее хобби. Каждый отдельно взятый человек в глазах Жени виделся как персонаж с уникальной судьбой. Имея неутолимую жажду в общении, она часто представляла диалоги, в которых могла участвовать со случайными встречными. Но сейчас она желала узнать поближе именно своего соседа. Его характер, предпочтения, жизненный путь были слишком далеки от понимания. Феликс Флейман, переводчик – это все, что она смогла выудить из их короткого разговора.

Если гора не идет к Магомету, то Магомет идет к горе – по такому принципу экстравертной девушке было проще жить. Если мужчина не делает первый шаг, то за него его совершает женщина, и это нормально. Но ей стоило дожидаться антракта – Флейман явно был не готов отрываться от музыки.

Вдруг Женю стала тревожить мысль, что она сейчас плохо выглядит: размазалась косметика или торчат в разные стороны пряди. Тихо встав, девушка последовала к зеркалу в уборной. Завитые светлые локоны длинных волос аккуратно спадали на плечи и грудь – такая форма укладки сохранилась еще со времен выхода из дома. А вот подводка на глазах уже успела размазаться. Смочив водой бумажное полотенце, Женя принялась вытирать с век смольные полосы. Прекратила играть музыка – это был знак, что пора возвращаться обратно.

Выйдя снова в зал, Женя тут же заметила, что их столик пустует. Неестественно высокая официантка с большой головой на вытянутой шее, отдаленно напоминающая леденец на палочке, принялась активно собирать посуду со стола.

– Оставьте, пожалуйста, чайник и кружку. Мы еще не уходим, – подойдя ближе, сказала Женя.

– Простите, я думала, что вы уже закончили, – стала извиняться испугавшаяся официантка.

– Мы еще даже не оплатили.

– Молодой человек уже оплатил. Он оставил деньги за оба счета.

Женя непонимающе посмотрела на девушку. Она не сразу поверила, что Феликс Флейман ее бросил по-тихому. Сначала она огляделась по сторонам, затем походила по залу и направилась к гардеробу. Плотная спрессованная толпа возле небольшого закутка с верхней одеждой толкалась, ругалась и проталкивала свои многочисленный бирки. Отыскать молодого человека среди этого хаоса было невозможно, потому Женя просто огорченно выдохнула и вернулась за столик дожидаться, когда все куда-то спешащие люди убегут по своим невероятно важным делам в преддверии полуночи.

«Такие люди здесь крайне редко встречаются», – прошмыгнуло напоследок в ее голове, после чего все мысли вновь вернулись к спокойной повседневной действительности.

## II. Se omnia

От расправленного дивана в гостиной до письменного стола на балконе было примерно двенадцать шагов взрослого человека. Я медленно преодолевал этот маршрут от начала до конца, возвращаясь снова и снова на исходную точку, ради достижения одной, казалось бы, бессмысленной цели. В очередной раз я коснулся гладкой деревянной поверхности, чтобы взять в руки восемь монеток разных номиналов: от одной копейки до десяти рублей. Каждая из них по-своему уникальна – начиная от размера и веса и заканчивая шероховатостями на ребре. «Главное, не нарушить порядок», – то и дело крутилось в моей голове, – «от меньшей к большей».

\*\*\*

Петр открыл глаза. Его голова утонула в мягкой пуховой подушке. С тех пор, как погасли в доме огни, он не размыкал веки и не касался ступнями пола. Восемь монет были выстроены аккуратным рядом вдоль края стола. Их металл давно уже промерз от балконного холода. Тонкие пальцы Петра помнили изгибы и мельчайшие подробности каждого круглого «жетончика», однако это были лишь воспоминания. Настоящий физический контакт являлся плодом его воображения. Хозяин этого странного мыслительного акта доподлинно не мог, да и не пытался, понять существуют ли вообще эти рубли и копейки. Возможно, и их он выдумал.

«Сон ли это?», – спрашивал себя он.

«Нет, не сон».

## III. То, что отличает нас от животных

Днем – университет, вечером – книги: такой ритм жизни Женя поддерживала последние несколько лет, пока не вступила в секту. Произошло это как-то случайно. Неподалеку от университетской аллеи с памятником революционеру Свердлову, где по своему обыкновению девушка наблюдала за прохожими,

стали появляться подозрительные люди с брошюрами. Сначала Женя старалась не обращать на них внимание, игнорировать их обращения или просто проходить мимо, но совсем скоро незнакомцы стали вести себя агрессивно – подсаживаться рядом на скамейку, а иногда даже преследовать несколько кварталов до трамвайной остановки. Замученная навязчивостью докучателей, Женя даже перестала гулять на всем протяжении Главного проспекта. Так продолжалось целый месяц, пока в один прекрасный день все раздражители бесследно не испарились.

Заметив исчезновение назойливых людей, Женя поспешила вернуться на любимую для наблюдения площадку. Перейдя дорогу, она бодро пошла вдоль голой пост-зимней аллеи в надежде найти свободную скамейку с хорошим обзором на прохожих. Но сесть ей было не суждено – все было забито шумными студентами, местными преподавателями и отдыхающими от долгой ходьбы стариками. Единственный вариант – не занятое место возле скучающей девушки.

Увидев беспокойно слоняющуюся Женю, незнакомка спокойно указала рукой рядом с собой. Женя кивнула и приняла приглашение.

Во внешности незнакомки было что-то кавказское. Волоокая, она была награждена от природы двумя лучистыми солнцами черных ресниц. Нефтяного цвета волосы непослушными потоками выбивались из бежевого берета и стекали ей прямо на плечи. Завершал образ выдающийся прямой нос.

«У нее должно быть глубокий голос», – подумала Женя, краем глаза поглядывая на соседку.

– Здесь раньше стояла лютеранская кирха, – вдруг ни с того ни с сего сказала девушка, словно почувствовала любопытство Жени. Ее голос оказался именно таким, каким представляла Женя.

– Простите?

– Говорю, на пересечении Ленина и Красноармейской протестантская церковь была. Большевики ее взорвали. Жалко, – указывая на здание рядом с оперным театром, пояснила незнакомка.

Женя посмотрела еще раз на угловое здание: непримечательный пятиэтажный дом в классическом стиле скучно застыл на своем традиционном месте. Ей стало странно, что кто-то вообще скорбит о зданиях, которых сейчас нет.

– М-мм, не знала.

– Видела старые фотографии: стоит красивое готическое здание с крестом и двумя колокольнями, а вокруг – ничего. Даже дороги нет. Это уже при советской власти трамвайные пути проложили, все асфальтом облагородили. А раньше грязь кругом была и только обозы ходили.

– Не понятно только, зачем нужна на Урале протестантская церковь. Понимаю еще мечеть...

– Вообще лютеранская община здесь появилась вместе с городом. Горные специалисты, инженеры, ремесленники были в основном приезжие – шведы, немцы, голландцы.

«Она из этих, – прошмыгнула мысль в голове Жени, когда она вспомнила тех странных людей с брошюрами. – Что же мне так везет-то со всякими фриками постоянно?».

– А этот театр, – продолжила незнакомка, указывая пальцем на здание в традиционной для русской архитектуры эклектике – открылся только в 1912 году. До него оперу целых сорок лет ставили в кинотеатре «Колизее». Раньше правда это был главный городской театр, где в основном играли сомнительные комедии и водевили. Но оно и не удивительно – большинство актеров на сцене были из крепостных.

– Понятно, – выражая на лице незаинтересованность, ответила и кивнула Женя.

– Вам нравится театр?

– Лично я особой любви к зданиям не питаю.

– Вы меня неправильно поняли. Я спрашивала о спектаклях.

– Я на них не хожу.

– Почему, если не секрет?

– Ну, я в пьесах ничего не смыслю.

– Чтобы научиться понимать – не нужно быть гением или профессиональным театралом. Обычному человеку достаточно усвоить, что такое «идея», а смысл уже сам подтянется.

– Можете мне не объяснять, что такое «идея». Я в курсе.

– Тем проще, – ответила девушка и пожала плечами. – Знаете, это как у Достоевского – есть христиане и идеологи. Первым проще, потому что они всё через Библию прогоняют. Даже в жестких триллерах и фильмах ужасов могут библейский смысл найти. А вторые мучаются – под себя все притягивают.

– А большинство – ни те ни другие.

– А вы бы сами к кому себя отнесли? Христианам?

«Начинается», – подумала Женя, прежде чем ответить. В вопросах веры ей было ни жарко ни холодно. Она старалась не отрицать существование Бога, но и думать о Нем тоже особо не пыталась. Главное – считала она – сохранять золотую середину. А «прилипалам» говорить, что верующая, чтобы те сразу отставали. – Да. Я регулярно посещаю церковь.

– Значит, когда вы смотрите фильм или читаете книгу, то все равно оцениваете все через свое мировоззрение?

– Получается, что так.

– Аналогично и с театром. Вам не обязательно знать, какой глубокий смысл вкладывал автор или режиссер. Главное, чтобы происходящее на сцене вас касалось. Или подтверждало какие-то ваши мысли.

– Даже если я понимаю суть, мне все равно не с кем туда ходить. Так что не вижу смысла это обсуждать.

– У вас нет друзей, которые бы пожертвовали вечер ради вас?

– Простите, а с какой целью вы так интересуетесь?

– Я хочу пригласить вас на пьесу.

Женя с удивлением посмотрела на девушку. Ей еще не доводилось получать такие предложения от представительниц женского пола.

– Знаете, мне это не интересно.

– Почему?

– Я же уже говорила, что если бы понимала, что и как там делается, то может быть и пошла.

– Это можно легко устроить.

Девушка достала телефон и стала быстро листать длинный список контактов.

– Меня зовут Лиля. А вас как?

– Ну, Евгения.

– Приятно познакомиться.

Лиля поднесла телефон к уху.

– У вас есть планы на вечер?

– Я собираюсь поехать домой дописывать главу магистерской.

– Научный руководитель ждет?

– Да.

– Какой крайний срок?

– Сегодня до восьми.

– Сейчас только два. Еще успеете.

– Куда вы звоните?

– Секунду, – подняв указательный палец, сказала девушка. – Алло, Сонь, вы еще там? Я сейчас приду с гостьей. Не разбегайтесь... Ага, хорошо. Давай.

– Подождите, я же еще не дала свое согласие. Мне не понятно, что вы собираетесь сделать.

– Хочу показать вам мастерскую «Э.С.Т.».

Женя насторожилась. Произнесенное девушкой название показалось ей незнакомым и слишком странным. Подключив знание латыни, она пришла к выводу, что *est* – это форма третьего лица единственного числа латинского глагола «быть», что можно перевести, как «Он есть» (или другими словами – «Бог есть»). «Мастерская» же – это отсылка к масонским ложам, которые нередко уходили в разные псевдорелигиозные крайности.

– Давайте как-нибудь в другой раз. Я правда спешу.

– Успеете еще отправить. Это не займет много времени.

Лиля встала и медленно пошла к переходу. Женя осталась сидеть на месте.

– Да не бойтесь вы так, я вас не съем, – резко остановилась и сказала девушка.

– Мне не хочется вас обижать, но я стараюсь не ходить по разным «мастерским».

– Нам можете доверять. Хотя у нас и нет до сих пор своего здания и нам приходится кочевать, но в Екатеринбурге мы уже десять лет.

– Я не местная, поэтому раньше о вас ничего не слышала.

– Оно не удивительно. В последнее время дела у нас идут туго. Местные стали забывать, что мы есть, а за чертой города – о нас ничего не слышали. Хотя раньше «Э.С.Т.» знали и в Перми и в Челябинске. А сегодня гостей буквально приходится уговаривать ходить на наши выступления.

– Это ваши люди ходят здесь с брошюрами и ко всем пристают?

– Я и говорю – у нас не лучшие времена. И в дождь и в холод стоим с листовками. Был бы еще толк от этого.

Лиля вмиг погрузилась. Жене стало как-то неловко продолжать сопротивляться, когда девушка так старается.

– Я только на десять-пятнадцать минут зайду.

– Как скажете, задерживать на дольше вас не стану.

Женя нехотя встала со скамьи и последовала за Лилей. Несмотря на бешено колотящееся сердце в груди, она подсознательно себя успокаивала, что сможет в любую минуту уйти.

– А ваша мастерская далеко отсюда?

– Сейчас мы собираемся в квартире в «Городке чекистов».

– И вы все влазите в обычную квартиру?

– А нас не так уж и много – постоянных всего семь человек. Есть приходяще-уходящие, но они не в счет.

– И вас при этом знают во всех крупных уральских городах?

– Я же говорю – «раньше». Когда-то нас было человек двадцать, но старенькие поуходили, а новенькие не готовы посвящать нашему делу много свободного времени. Да и к тому же мы придирчивы к новым лицам.

– А вы, случайно, не секта?

– Секта? Ну, если за «сектой» понимать закрытую общину, которая открыта только для избранных, тогда – да, – непосредственно, словно в шутку сказала Лиля.

Дико реагирующая на окружающий мир Женина фантазия заиграла новыми красками. Она представила, как в каком-то облезлом сыром подвале ее приковывают цепями к батарее и заставляют брать кредиты под гигантские проценты. Машинально ее рука потянулась в сумку за паспортом, но сакральный для приезжей девушки документ оказался дома, за что оставалось благодарить только судьбу.

– Вы здесь квартиру купили? – вдруг последовал неожиданный вопрос от Лили.

«Почему все так равнодушно к моему жилью?» – негодуя, спросила себя Женя. – Снимаю комнату у одного омовца. Строгий дядька. Если я до десяти домой не возвращаюсь, то сразу начинает меня искать. На телефон названивает. Профессиональная болезнь у него такая – паранойя.

– Вот как? А как же личная жизнь?

Мысли вновь унесли Женю в альтернативную вселенную ее фантазии. Только теперь она стала жертвой какой-то неистовой и аморальной оргии.

– Евгения, вы со мной?

– Да... Просто задумалась о своем молодом человеке. Что-то давно он мне не звонил. Ревнивый жутко. Постоянно проверяет, где я и с кем.

– Везет вам с равнодушными мужчинами.

– И я о том же.

– А мы уже почти пришли.

Лиля показала пальцем на старый пятиэтажный дом недалеко от Окружного дома офицеров. Каменная постройка внешне ничем не отличалась от Жениного дома, разве что внешней отделкой. Ее хрущевка была скрыта от людских глаз, потому стояла вся облупленная и исписанная граффити; эта же выходила прямо на улицу Первомайскую, оттого поддерживалась местными властями в хорошем состоянии для приезжающих в город гостей.

Внутри же дом был такой же, как везде. Одна половина всех стен в зеленой краске, другая – в белой извешке. Там же написанные черным маркером матерные слова и бессмысленные фразы, среди которых интересным был только чей-то крик души: «В. В. Маяковский – жив». А на потолке огарки запущенных неведомым образом спичек.

– Нам на третий.

Вход в «мастерскую» преграждала сожженная хулиганами железная дверь. Сама Лиля описала это, как вполне естественное для центра явление. Но Женя чувствовала, что подобное совершают не просто так. Заранее настроив себя, что увидит внутри какое-то безумие, она нехотя переступила порог за Лилей и тут же была поражена. Небольшая толпа молодых людей стояла в плотном кольце лицом друг ко другу и издавала дикие животные звуки. Сначала все оскалили зубы и протянули громко «Ы-ыы», затем вытянули губы и прогудели дружно «У-уу» и «О-оо», и в завершении раскрыли рты и прокричали «А-аа».

«Надо уходить», – решила Женя, обливаясь холодным потом, но было уже поздно. Лиля заперла дверь на ключ.

– Чего вы так испугались? – увидев широко раскрытые глаза гости, спросила Лиля.

– Вы чем-то странным тут занимаетесь.

– Станным? Это же обычная разминка артикуляции.

– Зачем?

– Сейчас будет репетиция спектакля.

– Какого еще спектакля?

– «Еще»? Мы в принципе ставим только спектакли.

– Но вы же религиозная община?

– Кто вам такое сказал?

– Вы.

– Я же сказала, что мы – «Э.С.Т.».

– Но вы не объяснили, что такое «Э.С.Т.».

Лиля умиленно рассмеялась, точно бы маленький ребенок сказал ей какую-то глупость.

– Серьезно? Неужели я забыла расшифровать? Простите, «Э.С.Т.» – это «Экспериментальный студенческий театр».

Женя покраснела. В ее голове наконец-то сложился пазл всего разговора с незнакомкой, в котором элемент «секта» вдруг заменился на «театр». От осознания этого ей стало стыдно.

– Выходит, вы кочевой театр?

– Ага. Бродяжный, – ответила с долей сарказма Лиля.

– И никак не связаны с религией?

– Нет, конечно.

– Фуф, это многое меняет.

– Теперь меня тревожит вопрос – куда вы сами шли?

– Я? Один только Бог знает.

– Судя по всему, вы отчаянная авантюристка, – заключила Лиля, и предложила Жене пройти и познакомиться с трупой.

Крайне редко случается, когда человек запоминает все новые имена при первом знакомстве с большой компанией людей. Все эти Маши, Сони и Павлы смешиваются в голове и начинают звучать, как китайские имена из известной скороговорки: «Як, Ципа, Ципа-Дрипа, Як-Цин-Драк». Закончив с официальной частью, одна Ципа-Дрипа повела Женю в гостиную и усадила на диван. Появился какой-то Як-Цин-Драк и предложил гостье чай. Тут же возник некий Лимпомпони и стал допытывать ее вопросами, пока не вернулась Лиля и всех не разогнала.

– Простите их за назойливость. Они подумали, что вы новая актриса, – извинилась Лиля, присаживаясь рядом.

– Ничего страшного. Мне нравится быть в центре внимания, – в шутку призналась Женя.

– Сейчас будет прогон сценки. Мы редко кому-нибудь показываем еще сырой материал, но для вас сделаем исключение.

Двое молодых людей принесли пластиковые стаканчики и выделили ими на полу гостиной пределы импровизированной сцены.

– В зависимости от площадки мы отмечаем еще зоны микрофонов.

– А где вы играете, если у вас нет своего здания?

– На улице, – пошутила Лиля. – На самом деле – в музее Эрнста Неизвестного.

– Не слышала о таком.

– Меня это почему-то уже не удивляет.

Лиля произнесла название пьесы и ее автора, но в ушах Жени все вновь прозвучало, как китайский язык.

– Ребята уже готовы, сейчас начнем.

Свет в комнате гасить не стали. Лиля включила на телефоне музыку и двое актеров вышли на середину импровизированной сцены. Простые, в повседневной одежде, они ничем не отличались от обыкновенных студентов. Когда к ним присоединилась еще одна девушка, репетиция превратилось в какой-то кавардак: все стали путать и забывать слова, а вскоре так вообще кривляться и шутить.

– Эй, давайте чуть серьезней. Не позорьтесь перед гостьей, – не выдержав всеобщей расслабленности, возмутилась Лиля.

– Да ладно тебе. Как должно быть – она на премьере увидит, – вступился один из актеров.

– Пусть лучше посмотрит на то, как мы на самом деле готовимся, – поддержал другой.

– Вот так и репетируем, – сказала Лиля, пожав плечами.

– Я правильно поняла, что в вашем театре играют только студенты?

– Да, причем среди них нет никого с актерского, – пояснила Лиля. – Данил, например, юрист, а Соня – физик-ядерщик.

– Мы – просто группа энтузиастов, которые ставят сценки ради самого творческого процесса, – добавила одна из актрис.

– Выходит, что вы этим не зарабатываете?

– Наоборот – мы в это вкладываем все свое время и деньги.

– Короче говоря, это наше хобби.

Женя всегда с завистью смотрела на таких людей. Все ее увлечения, как правило, быстро прогорали. Причем по одному и тому же сценарию: сначала она с головой погружалась в какую-нибудь новую для нее сферу, полностью отдавала себя ей, а затем резко теряла к ней всякий интерес. Так было с музыкой, фитнесом, бальными танцами. Видя эту большую и веселую компанию, объединенную общим интересом, она вдруг почувствовала, что тоже желает быть в театре, но не ради «творческого процесса», а общества.

– Допустим, мне захотелось стать участницей вашей труппы – что от меня требуется? – поинтересовалась Женя.

– Ты хочешь играть в нашем театре?

– Ну, я сказала «допустим»...

– Для начала показать, что умеешь. Стихотворение наизусть, танец, миниатюру – что хочешь, – ответила Лиля.

– Наша «мать» особо не придирчива. Если хоть что-нибудь умеешь – значит не бездарность, – добавила одна из девушек.

– Почему снова «мать» -то? – возмущенно переспросила Лиля.

– Потому что ты наша «мать».

– Лиля – наш босс, режиссер и идейный вдохновитель, короче говоря, – пояснила другая девушка.

– А еще мы прощаемся со всеми, кто прогуливает репетиции.

– Да-а, была у нас пара – из трех собраний в неделю прогуливали два. Причем всегда отмазывались, что проспали. В пять вечера, ага. А потом вообще улетали в Питер за неделю до премьеры. Лиле самой пришлось выйти на сцену – мужика играть.

– Не напоминай.

– А я, кстати, видела их в городе недавно. Они что-то не шибко долго в Питере пожили. Сейчас оба тамадами подрабатывают.

– Удалась театральная карьера.

– Тогда, можно я попробую? – спросила Женя.

– Ты же еще час назад говорила, что ничего не смыслишь в театре, – косо посмотрев на Женю, напомнила Лиля.

– Я открыта для всего нового. Чем глубже погружусь, тем скорее начну понимать.

– Странно, конечно, но дело твое. Куда приходить – знаешь. Мы здесь собираемся в понедельник, среду и воскресенье.

– Я бы пришла в среду.

– Тогда милости просим с двух до шести.

Женя улыбнулась и перевела взгляд с Лили на настенные часы. Стрелки уже преодолели половину четвертого – до дедлайна оставалось все меньше и меньше времени.

– Мне пора бежать. Приятно было с вами познакомиться.

– Тебя проводить?

– Не стоит. Здесь до остановки рукой подать.

– Что ж, тогда удачи.

– Давай, пока-пока.

– Ага, до свидания.

Женя быстро надела обувь, накинула на себя пальто и пулей выскочила на улицу. Яркое солнце апреля до сих пор нещадно жгло сетчатку. Под ногами мешалась непонятная субстанция из грязи, остатков снега, сигаретных окурков и разносортного мусора. Однако бег продолжался недолго. Жара так разморила Женю, что у нее пропало всякое желание куда-то спешить. Рубашка, став мокрой от пота, прилипла к ее спине, и с каждым порывом, пускай и слабого, ветра по всему телу чувствовался неприятный обжигающий холодок. Ей захотелось немного обсохнуть. Неторопливо дойдя до университета, она свернула в сторону плотинки и медленно пошла по тротуару. Люди, наконец-то дождавшись завершения зимы, стали медленно покидать свои пещеры. Именно сейчас, думала Женя, настало лучшее время, чтобы наблюдать счастливые и беззаботные лица.

Вдруг где-то внутри сильно кольнуло и Женя вспомнила, что ей надо спешить. С новыми силами ускорив шаг, она вмиг достигла брошенную посреди Проспекта Ленина остановку. Просматриваемая на несколько кварталов вдаль, длинная улица бесперспективно пустовала. Только лишь полчаса спустя на горизонте появился единственный заблудившийся «Двадцать третий» трамвай. Его маршрут обыкновенно проходил мимо Северного вокзала, когда как Жене нужно было попасть на Южный. В общем-то подобным ее было не удивить: следующий в неизвестном направлении транспорт является традиционным в городе Екатеринбурге.

– До ВИЗа. В депо. До ВИЗа, – проорала хрупкая женщина-водитель в громкоговоритель, после чего обернулась и выругалась матом на бабушку, спросившую, едет ли трамвай по маршруту.

«А не послать-ка мне все куда подальше?», – спросила себя Женя и отчаянно запрыгнула в ненужный ей трамвай.

С переездом в Екатеринбург Женя по-настоящему полюбила бесцельные поездки и прогулки. По душе ей был и час дороги от дома до университета, когда перспективы ехать сидя не было совсем. Ведь именно тогда можно было всецело посвятить время своим мыслям.

Начало удивительной истории Жениных размышлений восходит к такой посредственной вещи, как сломанный плеер. Раньше этот простой механизм скрашивал повседневную скуку хозяйки, однако все изменилось, когда наушники перестали блокировать звуки внешней колонки. Причем случилось это в самый неподходящий момент, когда беременный сонными, раздраженными и страдающими людьми трамвай окутала мелодичная и вдохновляющая музыка. «Имей совесть» и «Выруби, дура, не одна едешь», – тут и там посыпалось на невинную девушку с разных сторон. Стыд и негодование от поведения людей нахлынули на Женю с такой силой, что вмиг вызвали отвращение к самому процессу наслаждения музыкой в общественном месте.

Вскоре получилось так, что поломка пошла Жене на пользу. Ведь именно благодаря этому событию она обнаружила безграничный, красочный и совершенный мир внутри себя. Мир намного лучше, чем музыка. Мир именуемый «мыслями». За сотни часов туда и обратно Женя повторила в голове все сцены сохранившегося в памяти прошлого, осмыслила каждый свой странный и сомнительный поступок, переиграла альтернативные варианты развития неудачных событий. А когда ей все это надоело, она начала фантазировать – сочинять и моделировать несуществующие реальности, придумывать истории, представлять сюжеты. В них главной героиней была не Женя; она была в них актрисой главных ролей.

Однако внутри «Двадцать третьего» мысли в голове Жени никак не складывались. Вдруг начало чесаться под ногтями и стало казаться, что она забыла, но почти вспомнила кое-что важное. Пребывая в замешательстве, девушка перевела взгляд с забрызганного грязью окна на полупустой вагон, но и там не было никаких зацепок, а только листовки с рекламой, бегущая строка с глупыми анекдотами, размякший от духоты кондуктор, бабушка, нервозная мамашка с двумя детьми. На общем фоне выделялся только ухоженный молодой человек в трех спинках сидений от нее. Несмотря на богатый выбор мест, он сидел на неудобном, обжигающем солнечными лучами, повернутом ко всем лицом, месте.

«Странный выбор при такой свободе, – подумала Женя, заинтересовавшись молодым человеком. Будучи уверенной, что уже где-то встречалась с ним, она попыталась вспомнить, кто он такой. – Может, бывший одноклассник? Хотя это вряд ли. У нас их было всего четверо: Паша, Максим, Миша и еще этот, который свалил на первом курсе в Москву».

Женя не спешила смотреть на пассажира, поскольку еще с детства помнила, что пялиться на людей неприлично. Но любопытство было сильнее принципов и постепенно брало вверх. С первой попытки у нее получилось разглядеть только тонкие и изящные, как у девочки, руки, держащие закрытую книгу Дэвида Стивенсона «1914 – 1918» на английском языке.

«Тогда может одноклассник? – продолжала перебирать она. – Да, конечно... стал бы кто из этих пропащих читать книги, да еще и на английском языке».

Со второго подхода Женя смогла рассмотреть длинную парку и редкую щетину на лице пассажира.

«Может кто-то из театралки, кого я пропустила мимо внимания? – все не унималась она, чувствуя все большее негодование от своей памяти. – Надо бы взглянуть еще раз».

Но третьей попытке случиться было не дано. Молодой человек захлопнул книгу, встал и повернулся лицом к выходу, причем так резко, что Женя совсем не успела его рассмотреть. Для обзора остался только затылок с непослушными волнистыми волосами.

«Да уж, такие волосы возможно уложить только приличным слоем укладки, – заключила Женя, как вдруг ее осенило. – А это случайно не странный парень из джаз-клуба? Переводчик. Ну, конечно же».

После того короткого, да и несодержательного диалога с Феликсом, Женя пребывала в подавленном состоянии еще пару дней. Такая болезнь, как неудовлетворенность от результата общения, присуща многих экстравертам. Девушке было любопытно узнать об этом новом человеке больше; ее гложила недосказанность. Такое чувство можно сравнить с тем, когда читаешь увлекательную книгу, но в силу непредвиденных обстоятельств закрываешь и откладываешь ее, и больше никогда к ней не возвращаешься.

«Я подойду и поздороваюсь с ним, – решила в своих мыслях она. – Но с чего я начну? Привет, помнишь меня? Это я, та ненормальная из джаз-клуба. Ну, бред же... Или так: Феликс Флейман? Какая встреча! Добрый день. Как ваше ничего? Куда направляетесь? Можно с вами?.. Ар-р, еще хуже!».

Пока Женя выбирала фразу, с которой начать разговор, Флейман дождался полной остановки, вышел из транспорта и пошел в сторону «Дворца молодежи». Параллельно с этим Женя обнаружила, что ее объект мысли в очередной раз мистическим образом исчез. Это заставило ее резко вскочить с места и оглядеться вокруг.

– Осторожно, двери закрываются. Следующая остановка... – громко раздалось в вагоне трамвая.

Женя суматошно побежала к двери, прыгнула на подножку и вылетела на остановочный комплекс, чуть не сбив случайно проходящего мимо мужчину. Флейман далеко уйти не успел – он стоял на горящем красным светофоре.

«Я просто подойду и поздороваюсь, – восстанавливая дыхание, заключила в уме Женя. – Остановит меня – будет славно; проигнорирует – черт с ним, пройду мимо».

Вот только мысли Жени несколько разнились с ее поведением. Она, выдержав приличную дистанцию, последовала за Феликсом, точно шпион. Останавливался он – останавливалась и она. Ускорялся он – ускорялась и она.

«Что ты делаешь, Женя? Догони уже его», – говорила она себе, но никак не решалась. Ее сжатые в кулаки пальцы в карманах безудержно дрожали.

Женя, следуя за Феликсом по пятам, перешла дорогу, затем еще одну, и пошла по мокрому тротуару Московской улицы в сторону Челюскинцев. Слева от молодых людей стали проноситься машины и угрожающе разбрызгивать жидкие грязевые лужи. Женя чувствовала, как мелкие влажные точки окропляют капроновые колготки, как становится влажной стелька внутри обуви. Но преодолевая дискомфорт, она все равно продолжала следовать за Флейманом.

«Он же возвращается туда, откуда только что приехал, – заметила Женя, когда с улицы Ельцина они снова завернули на 8 Марта. – Может он пропустил нужную ему остановку и решил пройтись до нее пешком? Но зачем идти такими окольными путями?».

Преследование растянулось практически на половину улицы 8 Марта: Флейман вернулся на Площадь 1905 года, на которой Женя села в трамвай, прошел

станцию метро Геологическая, свернул на улицу Большакова, и затем вышел на Степана Разина. На углу перекрестка, в типичном для русской архитектуры сером здании, расположилась «Европейская пекарня». Туда Флейман и зашел после часового блуждания.

«И это все, ради чего ты мотался по всему центру?» – негодуя, мысленно спросила Женя. Застыв у двери маленькой кафе-пекарни, она не решилась последовать за Феликсом дальше.

В полупрозрачных, заляпанных жирными руками окнах неприметного заведения было видно, как Флейман подошел к кассе и заказал продолговатую булочку со стаканом неведомого напитка. Невозмутимый, весь из себя флегматик, он сел за крайний круглый столик и стал медленно жевать приобретенное лакомство. Продолжая стоять и смотреть на это заторможенное создание, Женя стала переполняться злостью, по большей части на себя, за впустую потраченное время. Ко всему прочему у нее проснулся сильный голод.

«Бог с этим Флейманом. Он все равно меня не вспомнит. Устала. Пойду и просто закажу себе чего-нибудь», – решила Женя и наконец зашла в пекарню. Не обращая внимания на Феликса, она, как ни в чем не бывало, приблизилась к витрине с разными пирожками, ватрушками, денишами и гурманами.

– Добрый день, – обратилась к ней пышущая здоровьем и румянцем кассирша.

– Одну слойку с чаем, пожалуйста.

– Кушаете здесь?

– Да, – ответила Женя, подумав над ответом пару-тройку секунд.

Забрав сдачу и свой заказ, девушка направилась к столикам. Их было всего три – они стояли в одном ровном ряду вдоль окна. В таком тесном помещении пройти мимо Флеймана было практически невозможно. Нацелив свой взгляд на самое дальнее от ее знакомого места, Женя попыталась проскользнуть незамеченной, но тут же получила слова прямо в спину:

– Добрый день.

Женя вздрогнула, чуть не выронив поднос из рук. Выдержав паузу, она повернулась и посмотрела Флейману прямо на лоб, чтобы не встречаться с ним глазами.

– Здравствуйте, – срывающимся голосом, ответила она.

– Скажите, зачем вы меня преследуете?

Лицо девушки вспыхнуло алым.

– В каком смысле? Я вас не понимаю.

– Вы шли за мной от «Дворца молодежи».

– С какой стати я должна была следовать за вами?

– Это я хотел у вас узнать.

– По вашему я не могу просто прогуливаться по центру? – выражая уязвленность, спросила Женя.

– Можете, но не по кривому маршруту, которым я вас водил.

Признание Флеймана сбило Женю с толку. Стыд и осознание собственной несурзанности сдавили ей горло словно аркан, отчего потерялись все слова.

– Почему вы молчите? – продолжал допытываться молодой человек.

– А что я вам скажу?

Флейман резко выдохнул из ноздрей – сдержал смешок.

– Я вас узнал, Евгения.

– Я вас тоже.

– Помните, в ту нашу встречу я отрицал, что вы странная? Так вот, я беру свои слова обратно – вы самая странная девушка из всех, что я встречал.

Слова Феликса показались Жене достаточно грубым. Выразив на лице безразличие ко всему услышанному, она гордо пошла к столику, за который собиралась сесть.

– Да ладно вам, не обижайтесь. Я шучу, по-доброму, – произнес Флейман, вскочив со стула и нежно схватив Женю за плечо.

– Не трогайте меня.

Самоуверенно, но в то же время учтиво, он взял Женин поднос и поставил его на свой стол.

– Не уходите, я хочу кое-что спросить.

Сердитая, она молча на него посмотрела. По глазам молодого человека было видно, что он действительно нуждается в разговоре. Только поэтому, смягчив сердце, она приняла его приглашение и села напротив.

– Ну, и что же? Хотите узнать, насколько удачно вышел фокус с исчезновением?

– Это было недоразумение. Мне нужно было срочно уйти. Я собирался с вами попрощаться, но вас не оказалось рядом.

– Можете не оправдываться – мне все равно.

– А у вас настоящий талант.

– В чем?

– Еще пару минут назад я злился на вас за преследование, но сейчас чувствую свою вину.

– Повторяю – я вас не преследовала.

– Пусть будет так. – Флейман сделал глоток кофе. – Насколько помню, вы с философского УрГУ?

– Может обойдемся без «вы»? У нас не такая уж и большая разница в возрасте.

– Как скажешь, – пожал плечами Феликс. – И все-таки?

– Да, с философского.

– Есть такой местный писатель – Арсений Асагумов. Слышал, он работает у вас на кафедре.

– «У вас»?

– «У вас» – философов.

– Он мой научный руководитель.

– Серьезно?

– Да. А что в этом такого?

– Это же живой классик XXI века.

– Ты сам его читал хотя бы?

– Как раз об этом – недавно у него вышла книга «Искусство онтологии». В интернете ее нельзя скачать или купить. В книжных тоже нет. Но она по-любому есть у автора. Вот я и подумал, что ты могла бы мне помочь ее найти.

– Прости, но не могу.

– Я заплачу, сколько скажешь.

– Мне не нужны деньги.

– Что-нибудь съедобное?

– Не нужно.

– Тогда скажи, что ты хочешь?

– Ничего.

– Я даже приеду, куда скажешь – хоть к дому, хоть к универу.

– Не в этом дело. Мне не трудно это сделать безвозмездно. Просто нет желания помогать незнакомому человеку.

Женя и Феликс притихли. Молодой человек сильно потер висок и перевел взгляд на свое отражение в кружке. Девушка же стала разглядывать бессодержательный пейзаж за окном. Сложившаяся ситуация оказалась неловкой для них обоих.

– Получается, мы будем молчать? – не выдержав тишины, спросила Женя.

– А что ты хочешь услышать?

– То есть даже не попытаешься рассказать о себе?

– А должен?

– Видимо, ты не так уж и хочешь эту книгу.

– Уверен, что в прошлый раз еще все о себе рассказал.

– Даже о самом скучном человеке нельзя рассказать все полностью.

– Сомневаюсь.

– Ты даже не пытался.

Флейман снова уткнулся в стол, чтоб собраться с мыслями. Ловя момент, Женя откусила кусочек соблазняющей своим видом слойки.

– Меня зовут Феликс Флейман, – вновь переведя взгляд на уже испачканное сахарной пудрой лицо девушки, начал перечислять факты о себе молодой человек, – учусь на переводчика. Каждый понедельник хожу на джем-сейшны. Другие выступления пропускаю, так как стипендии и подработки на фрилансе едва ли хватает на еду, съемную квартиру на Сортировке и билеты за сотку. Был бы рад найти нормальную работу, но учеба не позволяет. Уважаю только джаз и классическую литературу, потому что убежден, что все должно проходить испытание временем. Иногда даю шанс современным писателям, но чаще всего в них разочаровываюсь. Это все.

– Как на «отвали» перечислил.

– Уж прости. По-другому не умею.

– О происхождении слов ты как-то живее и красочней рассказывал, чем о себе.

– Не знаю. Не помню ничего такого.

Разочаровавшись в равнодушии собеседника, Женя невольно захотела немного поглумиться над ним. Будучи убежденной, что Флеймана будет не остановить, начини он размышлять о всякой софистике – она решила спровоцировать его на подобный диалог.

– Слушай, а поделись со мной еще каким-нибудь интересным фактом?

– Я так похож на рассказчика-фактолова?

– Тебе же есть, чем поделиться?

– Думаешь?

– Уверена.

– Ты же сама сказала, что едва ли меня знаешь.

От слов Феликса Женя чуть не фыркнула.

– Давай тогда поступим так: если сможешь поразить меня необычной мыслью – я принесу тебе ту книгу с личной подписью и пожеланием автора. Безвозмездно.

– Ты шутишь?

– Я серьезно.

Молодой человек томно посмотрел на Женю. Казалось, что он хочет сказать, что видит ее насквозь, но по неведомой причине дает девушке право так себя вести.

– Я попробую.

Флейман ушел в свои мысли. Наблюдая за молодым человеком, Женя впервые заметила, насколько привлекательным становится его лицо, когда он сосредоточен и серьезен.

– Как насчет такого: в природе почти не существуют идеальные геометрические фигуры.

– Да ну?

– Лично я смогу назвать только две. Попробуешь больше?

– Апельсин – это раз.

– Он пористый и теряет форму на стыке с веткой.

– Пятна гепарда.

– Ты их давно видела? Они не такие уж и ровные у него.

– Хорошо, тогда Луна.

– С ее кратерами?

– Солнце?

– Тоже.

Варианты Жени неожиданно закончились. Она отвернулась к окну в надежде найти там хотя бы маленькую подсказку. Дома и билборды были практически правильные по своей форме, но оставались творениями человека. А лужи, камни, деревья, листья казались слишком неровными.

– Точно! Зрачки человека – круглой формы, – вдруг осенило Женю.

– Одна идеальная фигура в человеческом теле. И все. Представляешь?

– К чему ты клонишь?

– Все эти кубы, пирамиды, параллелепипеды раньше вообще не существовали. Их придумали люди.

Женя по-настоящему загрузилась. Она еще раз попыталась вспомнить хотя бы одну гору, лист, дерево или рисунок на теле животного, чтобы опровергнуть слова Флеймана, но все было безуспешно.

– Ладно, может быть ты и прав.

– Тебя не тревожит вопрос, почему так?

– А ты знаешь ответ?

– Нет, но могу предположить.

– Ну, предположи.

– Если Бог действительно есть и Он создавал нас по своему образу и подобию, то от Себя Он вложил в человека именно желание творить и создавать что-то

новое. В том, что люди создали идеальные геометрические фигуры, я вижу отголоски этого дара.

– Так ты верующий?

– Я верю в свои идеи.

– И они не отрицают существование Бога?

– Бога, души и всего остального, что не поддается рациональному объяснению.

– Но при этом ты не христианин?

– Нет.

– Агностик?

– В том числе.

«Становится интереснее», – промелькнула мысль в Жениной голове.

– Тебе не кажется, что в этом есть какой-то парадокс?

– В чем?

– Что человек много веков стремится к совершенству, пытается воплотить абсолютное в искусстве, архитектуре, более того в обыденной жизни, а идеальное оказывается даже ближе, чем под носом. Прямо в глазнице.

– Не думала об этом раньше.

– А еще больший парадокс в том, что без наличия глаз весь наш разговор был бы лишен смысла. Геометрия, идеальные формы – какое они имеют значение, если мы ничего не видим? Я не ошибусь, если скажу, что наличие глаз подарило человеку возможность воображать.

– Если следовать твоей логике, то слепые от рождения люди лишены фантазии.

– Не фантазии, а воображения.

– Разве есть какая-то разница?

– Воображать – это способность мысленно восстанавливать в памяти увиденные ранее образы.

– А фантазировать?

– Способность создавать в уме то, что в действительности не существует.

– Слишком сложно.

– Ладно, представь, что ты никогда не видела жирафа. Ты не знаешь, что слово «жираф» означает, но тебе дали подсказку, что это животное. И ты начинаешь представлять некую невиданную зверушку, которая даже близко не похожа на жирафа. Она – твоя фантазия. Воображение предполагает, что ты уже однажды видела жирафа, и сможешь восстановить его образ у себя в голове. И чем чаще ты встречаешь жирафов, на картинах, фотографиях, в статуэтках, тем шире твое воображение. Если услышать слово «жираф» уже после сотой встречи с этим животным, то в мыслях возникнет не тот жираф, которого видел каждый человек на планете, а твой собственный. Жираф, которого ты мысленно создала. А без глаз как раз невозможно составить в голове конкретный четкий образ.

– Кажется, я уже перестала улавливать ход твоих мыслей. Как мы вообще от геометрии пришли к воображению?

– Остановимся на этом?

– Постой. А какой вывод получается из всего этого?

– Фантазия и воображение – это два уникальных дара, которые отличают нас от животных. Они не стремятся придумать или создать то, чего никогда не было.

«Что, прости?» – непонимающе спросила про себя Женя.

Феликс встал, протянул руку Жене и добавил:

– Ваше копыто.

Прослушав последнюю фразу, Женя машинально потянула хрупкую девичью кисть. Молодой человек коснулся ее, но не поцеловал.

– Прощай, Женя. Ты мечта любого занудного рассказчика.

Тут Женя резко опомнилась, покраснела и повернулась на стуле к уже уходящему собеседнику.

– Я принесу тебе книгу.

– Мне это уже не интересно, – коротко ответил Флейман и продолжил идти к выходу.

Женя проводила Флеймана взглядом до самой двери. В широком окне молодой человек не появился – видимо, пошел в противоположную сторону.

«Странный все-таки человек.», – заключила она и продолжила наслаждаться уже слегка подсохшей слойкой и совершенно остывшим чаем. Пока вновь не вспомнила о магистерской.

#### IV. Обыкновенная трагедия

Взмах длинных ресниц. Ослепительное, как от сварки, свечение опускающегося на город циркуляркой солнечного круга на какое-то мгновение лишило Женю способности видеть. В густой белой дымке за окном угадывалась только идеально ровная коробка здания напротив.

– Прямо-таки идеально? – подметила Женя, тяжело поднимаясь с кровати.

Дом словно был лишен жизни. Тени, выпрыгнувшие из неведомого мрака, бесшумно танцевали на досках старого скрипучего паркета. К свету тянулась только пыль.

Шаркая по полу, Женя подошла к зеркалу. Волосы от долговременного пребывания на подушке топорщились в разные стороны – такой проблемы она не знала, когда волосы были настолько длинные, что доставали до талии. Несмотря на это, новый образ ее вполне устраивал: боб-каре с удлиненными боковыми прядями «на ножке» преображало ее лицо с миловидными девичьими чертами, которые, по неведомым самой Жене причинам, ей хотелось скрыть или сделать более грубыми. Помимо волос Женю устраивали еще уши: сверху чуть заостренные и снизу с большой мочкой, они казались настоящим произведением искусства. Глаза, обыкновенные-голубые, девушку совсем не впечатляли – такие были у многих из ее окружения.

«Совершенных людей не бывает, – подумала Женя, глядя на свое отражение. – Насколько несовершенны люди я сужу, в первую очередь, по себе».

Женя посмотрела на часы – была пора собираться. Арсений Юрьевич Асагулов вел пары в УрГУ всего один раз в неделю по средам, причем не по финансовой нужде, а по старой преподавательской привычке. В другое время пребывающего в постоянных разъездах писателя выловить было невозможно. Выходило так, что если Женя опоздает сегодня, то до следующей встречи придется ждать, в лучшем случае, семь дней.

Наспех надев драные джинсы, футболку с логотипом NASA и косуху, она выскочила на улицу. Краситься ей не пришлось – спала она в косметике, придя уставшая после полуденных пар. Ускоряя шаг, порой переводя его на бег, она перебирала в своей голове варианты отмазок, почему не отправила магистерскую. Среди них были и стандартные, и печальные, и фантастические, но не нашлось хотя бы одной, в которую бы поверил Арсений Юрьевич.

Она влюбилась в него еще на первом курсе. В тот же год она сильно в нем разочаровалась. И такое отношение к знаменитому писателю было у многих. Высокий, статный, крупный, как медведь – он выглядел на сорок в свои шестьдесят пять. Отчасти он напоминал Маяковского, особенно своими грубыми чертами лица и коротковыбритой головой. Но, боже, как же он любил все время лить воду. Его лекции увлекали своей свежестью и дерзостью, и в то же время оставляли ощущение бесполезности и пустоты. Онтология – была и оставалась

основой его мировоззрения и всех трудов. Однако, какой был в ней смысл – не знал никто, включая самого Асагумова.

Но несмотря на свое неоднозначное отношение к Арсению Юрьевичу, Женя почему-то выбрала именно его своим научным руководителем на втором курсе. Тогда единственно верным философским течением ей виделся экзистенциализм. Она верила, что красная революция беспощадно истребила нашу, русскую, философию, которую полвека кропотливо ткали Толстой и Достоевский, а затем оформляли Бердяев и Шестов. В ее глазах Хайдеггер, Сартр и Камю были лишь подражателями – ведь никто из них не смог собрать и организовать экзистенциализм в целостное учение. Только поэтому Женя считала, что эта задача все еще лежала на плечах русского человека.

– Я хочу написать курсовую об экзистенциализме как исконно русском философском течении, – сказала Женя Арсению Юрьевичу во время их первой встречи на кафедре.

– Постой, о чем ты собираешься написать?

– О том, что Толстой и Достоевский – это первые экзистенциалисты.

– Это же полная херня, – отрезал Асагумов и затянулся сигаретой.

Тогда Женя считала эту реакцию Арсения Юрьевича оскорбительной. Но уже через год она стала придерживаться такого же мнения.

– Почему сразу... фигня? Я читала, что в «После Бала» есть первая зарисовка «экзистенциальной тошноты». И в «Бесах» доведенный до абсурда философ-самоубийца Кириллов...

– Я не утверждал, что этого нет.

– Почему тогда?

– До тебя все кому не лень об этом писали.

– Так, чтобы исчерпывающе – не писали. Было бы полезно собрать все наблюдения вместе.

– Тебя Таней зовут, да?

– Женей.

– Скажи, Женя, зачем ты на философию поступала?

– Ну, она мне нравится.

– Ты же совсем не смыслишь, зачем писать научную работу.

– Кто бы нас еще научил, как правильно писать.

– Я не утверждаю, что ты бездарна или бесполезно тратишь свое время на философском. Хотя и не без последнего. Просто хочу навести тебя на мысль, что ты можешь написать, о чем-нибудь более новом и полезном.

– По-вашему, я должна всякие сомнительные теории рассматривать?

– Во-первых, давай сразу перейдем на «ты», – настоял Асагунов (позднее эта фишка с переходом на неформальное обращение так понравилась Жене, что она сама стала ей пользоваться). – Во-вторых, почему сразу «сомнительные теории»? Осмысли и зафиксируй какой-нибудь проблемный вопрос, которым до тебя не занимались.

– Например?

Женин вопрос застал мужчину врасплох. В надежде отыскать зацепку на своем столе, он перевел взгляд на «вавилонскую» башню из книг, среди которых только одна не принадлежала его авторству: массивное собрание дневниковых записей известного советского режиссера – Андрея Тарковского. Открыв издание на случайной странице, писатель скользнул взглядом по одной фразе и тут же задумался.

– «Трагедия одиночества художника и его плата за постижение истины», – зачитал Асагулов вслух.

– Это новый проблемный вопрос?

Поняв, что студентка права, Асагулов вновь полез в «Мартиролог» Тарковского. Полистав еще несколько страниц в начале, середине и конце книги, он свел от напряжения брови и вздохнул от отчаянья. Сигарета, обволакивающая кафедру густым дымом, почти что дотлела в пожелтевших волосатых руках ученого. В очередной раз бросив уже лишенный всякой веры взгляд на книгу, Арсений Юрьевич наконец-то увидел мысль, которую так жаждал найти.

– Назовем твою тему – феномен русского степничества.

«Серьезно? Просто полистал первую же подвернувшуюся книгу и определил случайной фразой мою курсовую?», – переполненная негодования спросила про себя Женя.

– Как тебе?

– У меня нет представления, что такое «степничество». Мы это еще не проходили.

– Вы и не будете проходить.

– Тогда объясните мне сейчас.

– Это, другими словами – особое русское отношение к невозможности преодолеть в себе человеческое в стремлении к духовности, – сказал Асагулов словами из книги. – Это тебе как раз все сумасшедшие дядьки, которых ты так любишь: и Иван Карамазов, и Отец Сергей, и может даже сам Толстой.

– Я не уверена, что мне эта тема будет интересна. Я бы лучше вернулась к экзистенциализму.

– Ты просто бери и пиши. Интерес к тебе сам придет, позже.

Женя притихла, пытаясь придумать, как убедить Асагумов не писать на такую сомнительную тему. Однако довлеющий взгляд мужчины оказался настолько тягостным, что она сразу же сломалась.

– Ладно, скажите... то есть «скажи», кто основоположник, я поищу в библиотеке.

– Его нет, – посмеялся Асагумов зажег еще одну сигарету.

– Где упоминается тогда?

– Пока нигде.

– Так может никакого феномена и нет?

– Может есть, может нет, – ответил и пожал плечами Асагумов.

– Это шутка такая?

– Это предположение. Я более чем уверен, что такой феномен существует не только в художественной литературе. Но даже если результат будет отрицательный – это все равно результат. Если что, в заключении так и напишем.

– Я даже не представляю, как приду к отрицательному выводу.

– Посмотри сначала Дмитрия Сергеевича Мережковского. Он не писал о «степничестве», но его «диалектика души» идейно очень похожа.

– Как, еще раз?

– Мережковский. Он писал о естественном свойстве человеческой души совмещать в себе два противоположных начала: положительное и отрицательное. Это отражено и в самом слове – диалектика – искусство спорить. Если разбираешься в христианстве, то там это называется по-другому – «Адамовым грехом». Это такая метафорическая притча о том, как люди получили знание о добре и зле, но не смогли от него избавиться, даже когда пришел Мессия. Дескать, человек рождается и умирает с этим знанием. И не

важно, насколько святую и праведную жизнь он ведет – мысли о чем-то плохом или грязном будут всегда всплывать в голове. Отсюда и главная задача любого верующего – как можно сильнее склонить одну чашу весов. При этом избавиться от второй полностью – невозможно.

– А причем здесь «степничество»? – спросила Женя, мысленно закатив глаза на очередной литье воды Асагумова.

– Обычный человек не задумывается о том, что его душа амбивалентна. И это нормально. Самой природой обусловлено, что люди обманывают, завидуют, злятся и так далее. Благо есть мораль, этика и другие прелести цивилизации. Но время от времени появляются люди, которые становятся исключением из правил. Они начинают рыться в своей душе и чем глубже копают, тем большие страдания получают. Такие индивиды чаще всего пускаются во все тяжкие: подаются в христианство, буддизм, ислам или ищут правду во всевозможных философских веяниях. Но нередко они уходят в отшельничество или в нашем случае «степничество».

– Ты имеешь в виду аскетичных монахов?

– Я говорю сейчас о людях, которые живут среди нас. Они, как и мы, заселяют высотки, ходят в магазины, театры, встречаются на улице, и по внешнему виду обычные, но с окружением стараются не взаимодействовать.

– То есть ты предлагаешь изучить страдающих от одиночества людей?

– Не страдающих, а вполне здоровых в своем одиночестве. Таких, которые уединяются, потому что другие мешают им познавать себя.

– Не уверена, что такие есть.

– Узнаем, когда напишешь.

Но ни к концу третьего курса, ни к защите диплома узнать было не суждено. Так называемые «степные» обитали лишь на просторах книжек и не выходили за границы художественного мира. Из-за этого тема «русского степничества» стала постепенно обрастать новыми смыслами, пока не скатилась в «проблему Святого

Антония», основателя отшельнического монашества. И даже сейчас, спустя четыре года, этот научный труд скорее складывался как элементы пазлов из разных коробок – фрагменты вроде подходят, а картинка все равно не сходится.

Женя посмотрела на часы и вмиг вернулась из воспоминаний в реальность – до конца пары оставалось меньше десяти минут. Благо университет был уже на горизонте. Быстро добежав до огромной, вдвое превышающей ее рост, двери, Женя юрко проскочила в оставшуюся от выходившего пару секунд назад студента щель, затем также ловко прошмыгнула мимо поста охраны без предъявления студенческого и остановилась в ступоре у главной лестницы. Ее магия заключалась в том, что если подняться по ней на третий этаж, то отделение философии окажется слева, а филологии – справа, но если вдруг захочется пойти по боковым лестницам, то будет все наоборот: философия справа, а филология слева. Этот факт всегда сложно вспомнить, когда стоит выбор конкретного крыла. Проблема Жени же заключалась в том, что Арсений Юрьевич выбирал исключительно боковой выход, поскольку он находился ближе к его кафедре, а это значило, что пойдя девушка не правильно – она могла с ним разминуться.

Однако удача сегодня благоволила Жене – выбрав крыло наугад, она чудом вышла прямо к нужной ей кафедре. Подойдя ближе к двери, она заглянула в замочную скважину: там небольшая группа студентов уже стояла и собирала вещи. Асагунов еще успевал напоследок раздавать свои пустые напутствия. Слушая этот грубый высокий голос, девушка вспомнила, каким бывает Асагунов, когда он зол: орет, говорит гадости, размахивает руками. От этих мыслей ей стало не по себе и она попятилась назад.

«Вот я дура – поперлась с пустыми руками, – подумала она. – И ради чего? Какой-то книги?».

Вдруг распахнулась дверь и из кабинета хлынул поток замученных студентов.

«Черт, надо бежать», – решила Женя, но было уже поздно – Арсений Юрьевич ее заметил.

– Женя, сука-родина, где магистерская? – в своей естественной манере гаркнул на весь коридор Асагунов.

– Прости, я не принесла сегодня.

– Ее рецензент уже ждет. Долго еще тянуть собираешься?

– Мне буквально пару абзацев осталось дописать, – отводя глаза в сторону, соврала Женя.

– То же самое ты говорила месяц назад.

– На следующей неделе уже точно – я обещаю.

Сдерживая ком в горле от эмоционального всплеска, Женя развернулась и уж было хотела пойти, когда ее догнал Асагунов и нежно погладил по талии.

– Ты что, обиделась? – сменив строгий взгляд на нежный, спросил Арсений Юрьевич. Он не любил кричать на девушек, которым симпатизировал, потому всегда сразу извинялся, если перегибал палку.

– С чего бы это?

– По лицу вижу.

– Тебе показалось.

– Пойдем покурим.

Асагунов всегда водил девушек подымить только в одно укромное место – мужской туалет. Несмотря на запрет ректора, на курение писателя на кафедре и в уборной все закрывали глаза. Даже студент, замеченный с сигаретой в руках в компании Арсения Юрьевича получал неприкосновенность, что, конечно же, не поддавалось никакой логике. Смущало это действие разве что мальчиков-первокурсников, и то только первые месяцы.

– Давай начистоту. Куда ты ходила вместо работы над магистерской? – вышагивая по коридору в обнимку с любимой студенткой, спросил Асагунов.

– В мастерскую театра. Смотрела на репетицию, – честно призналась Женя. За последний год Арсений Юрьевич стал единственным близким человеком девушки во всем городе, поэтому ему она всегда говорила правду. Порой он действительно заменял ей отца. Бывало привозил ей домой лекарства, когда она сильно болела или подвозил до университета в холодную погоду. Но все же смотрел он на нее далеко не отцовским взглядом.

– Актрисой хочешь стать?

– Может быть.

– Что ж, уверен, что у тебя все получится. Только на учебу не забивай. У меня на тебя большие планы.

– Это какие?

– Во-первых, опубликовать твою работу в местном альманахе. Во-вторых, взять тебя с собой на недельную конференцию в Москву.

– Знаешь, Сень, я сомневаюсь, что смогу позволить себе перелет и проживание в столице, пускай и неделю. А у родителей как-то стыдно выпрашивать деньги. Они и так меня обеспечивают.

– Тебе не надо будет ни за что платить. Я сниму нам номер в гостинице на двоих.

Женя прекрасно понимала, к чему ведет эта поездка, потому всячески пыталась ее избежать.

– Мне нужно будет в эти числа уехать к родителям.

– Москва, Женя. Это важно для твоей будущей карьеры.

– Я знаю.

Когда Женя и Арсений Юрьевич подошли к мужскому туалету, их чуть не сшиб дверью второкурсник-стиляга. Одет он был по самой последней моде: в спортивное трико, запраленное в белые носки (при таком сочетании вся

одежда выше торса уже не заслуживает никакого внимания). Стрижка тоже не отставала от современных трендов – коротко выбритые виски резко переходили в длинную копну волос на макушке, собранную в самурайский хвостик.

– Прошу прощения, – извинился студент, обходя преподавателя.

– Это что за хер румяный? – провожая молодого человека взглядом, спросил Асагунов.

– Сеня, он нормальный парень.

– Нормальный? Почему тогда как педик ряженный?

– Он хипстер, скорее всего. Это субкультура такая.

Арсений Юрьевич достал из кармана пачку и вытянул две сигареты – себе и студентке. Сама Женя была против курения, но отказать Асагунову не могла – это была своего рода традиция еще со второго курса. Для нее еженедельная порция никотина в легких была лишь символической платой за дружбу с писателем.

– Бред. Не существует такого понятия, как «субкультура». Это все равно, что говорить – есть люди и полулюди. – Асагунов затянулся и выпустил клубок дыма. – Вот процесс курения – это самая что ни на есть культура.

– Как и картошка – тоже культура.

– Диаметр советских папирос был семь-шестьдесят два, – словно прослушав колкое замечание Жени, подметил Асагунов. – Чтобы в случае чего можно было быстро перевести производство на выпуск патронов.

– Слушай, Сень, а ты не подпишешь мне книгу? – доставая из сумки ручку и экземпляр «Искусства онтологии», спросила Женя.

– Давай сюда, – оставив сигарету в зубах, сказал Асагунов и потянулся за экземпляром собственного творения.

– А можно с личным обращением?

– Любимой Женечке от Арсения?

– Не мне.

– А кому? – спросил Арсений Юрьевич и с любопытством посмотрел в глаза девушке.

– Знакомому.

– У тебя стали появляться знакомые?

– Отстань. Напиши просто: «Феликсу Флейману от Арсения Юрьевича, дружески».

– Феликс Флейман? Так зовут твоего нового парня?

– Он мне не парень. Я же сказала, что так, знакомый. Твой фанат, между прочим.

Асагунов ухмыльнулся и стал коряво выводить на форзаце продиктованную Женей фразу.

– Что краснеешь тогда?

– Хочу и краснею.

– Ты влюбилась, что ли? – наклонившись почти вплотную к пылающему лицу Жени, спросил писатель.

– Не смешно уже.

– Я не сторонник того, чтобы лезть в твою личную жизнь с советами, но: будь горда – не влюбляйся. Уважающая себя девушка влюбляет в себя, но сама никогда не унижается до такого дурацкого чувства.

– Видимо, по этой же причине у тебя самого никакого нет, – саркастично подчеркнула Женя.

– Я тебя предупредил. Дальше будет только хуже.

– Ладно-ладно. Мне пора идти.

– Магистерскую писать?

– В театральную труппу поступать.

Асагулов оскорбился, но из любви к Жене только рассмеялся, словно она произнесла хорошую шутку.

– Жду готовую работу сегодня, до конца дня. Поняла?

– Поняла, – ответила девушка и грустная вышла из уборной.

Арсений Юрьевич все неправильно понял – Женя просила подписать книгу не потому, что влюбилась и хотела угодить едва ли знакомому ей парню, а просто из принципа, что она должна выполнить обещанное. Подсознательно может она и мечтала о продолжении общения с Флейманом, но не более того. Хотя и влюбиться скуки ради было бы неплохо.

Восстановив в памяти прошлонедельный маршрут, Женя медленно зашагала в сторону мастерской. Спешить девушке не хотелось – не по причине хорошей погоды, а в силу боязни, что ее выступление не понравится труппе. Единственное, что она смогла подготовить за несколько дней – это короткую хореографическую зарисовку, разученную еще в пору школьного увлечения балльными танцами.

Стоя на светофоре, Женя заметила знакомое лицо на противоположной стороне дороги. Это была маленькая рыженькая девушка из студенческого театра. Ее короткие, подстриженные в каре, волосы небрежно топорщились в разные стороны. Из покрасневших глаз под круглой оправой очков неудержимо текли слезы. Слишком жаркий для весны пуховик с пышной расклешенной юбкой был весь забрызган грязью, а ниже подола виднелись разбитые в кровь

колени.

«Упала, наверно, – собрав воедино картинку, подумала Женя. – Еще и плачет... Черт, а я даже не помню ее имени».

Загорелся зеленый сигнал светофора. Продолжая заливаться слезами, девушка так быстро проскочила мимо Жени, что та даже не успела никак отреагировать.

«Может догнать ее?» – промелькнула мысль в голове Жени, когда она уже пересекла по щиколотку затопленную дорогу и достигла противоположного берега тротуара. Зеленый тут же сменился красным, и расстояние между девушками стало сильно увеличиваться.

\* \* \*

– Сейчас встретила на светофоре рыжую девушку из вашей труппы. Кажется, она была вся в слезах, – сообщила Женя Лиле тут же с порога.

– Соню? Не обращай на это внимание, – вздохнув, ответила руководитель труппы.

– Просто...

– Мы уже несколько месяцев эти сцены наблюдаем. Надоела уже. Лучше бы во время спектаклей так выкладывалась.

– Может у нее что-то серьезное случилось?

– Да кого там. Она от неразделенной любви страдает, к Петру.

– А Петр это?..

– Видишь того крупного, бородатого на диване? Это Петя. Приятно познакомиться.

– Точно.

– Он новенький, пришел к нам этой зимой. Соня на него сразу глаз положила. Я, конечно, понимаю, что красивый и все такое, но у него девушка вообще-то есть.

– В театре драма не только на сцене?

– Типа того. Хотя в чем-то он сам виноват – имел неосторожность как-то двояко ответить на ее признание. Оставил надежду. Вот сейчас и получает.

– Прискорбно.

– Ладно, не будем сплетничать. Ты проходи, садись на диван. Я принесу чаю.

В самой комнате сидело трое: собственно Петр, кудрявый парень в очках и девушка, кажется назвавшая себя в прошлый раз Кристиной. Молодые люди были явно настроены друг к другу враждебно – обменивались взаимными обвинениями и оскорблениями. Пришедшая уже к кульминации, Женя не поняла суть конфликта, но абсолютно точно догадалась, что он разгорелся после ухода Сони.

– ... нахрена ты назвал ее «больной тварью»?

– А какое она право имела рыться в моем телефоне и читать переписку?

– Блин, да ты сам ей его дал.

– С чего ради?

– Таких ублюдков, как ты, вставляет унижение людей.

– Слишком много болтаешь, гад.

– За своим языком следи лучше.

– Эй, прекратили там быстро, – возмутилась Лиля, гневно крикнув прямо из кухни. – Соня сама во всем виновата. Ведет себя как блаженная.

– И ты, Лиля, его защищаешь? Да пошли вы, – психанул кудрявый парень и ушел в коридор.

– Дима, вернись, пожалуйста, – произнесла Кристина и отправилась следом за молодым человеком. Громко хлопнула входная дверь.

– Всем привет, как бы, – иронично поздоровалась Женя, когда в комнате никого не осталось, кроме Петра.

– Привет, – грустно ответил молодой человек, стыдливо отводя глаза в сторону окна. – Прости, что тебе пришлось это наблюдать.

– Ничего страшного. Я же в мастерской театра все-таки – была готова увидеть накал страстей.

– А ты?..

– Женя. Я приходила на прошлой неделе.

Конец ознакомительного фрагмента.

----

Купить: [https://tellnovel.com/ermolin\\_viktor/iz-niotkuda-v-nikuda](https://tellnovel.com/ermolin_viktor/iz-niotkuda-v-nikuda)

надано

Прочитайте цю книгу цілком, купивши повну легальну версію: [Купити](#)